

Николай Добролюбов

**Статья «Times» о
праве журналов следить
за судебными процессами**

Николай Александрович Добролюбов

Статья «Times» о праве журналов следить за судебными процессами

Статья английской газеты относительно ограничений свободы печати привлекла внимание Добролюбова тем, что в ней обсуждались проблемы, весьма актуальные для русской общественной жизни. Даже простая перепечатка статьи без всяких комментариев воспринималась как явный намек на произвол царской цензуры. Запрещение статьи явилось новым ярким актом этого произвола.

Содержание

#1	0005
Примечания	0016

**Николай Александрович
Добролюбов
Статья «Times» о праве
журналов следить за
судебными процессами**

В недавнее время в Англии случилось происшествие, послужившее поводом для «Times» выразить свои убеждения относительно свободы печати и ограничений ее в некоторых случаях. Рассуждения его по этому предмету весьма интересны, и мы сообщаем их вполне нашим читателям.

Дело, по случаю которого рассуждения эти появились в «Times», состояло в следующем. В Лондоне назначена была комиссия для исследования довольно важных злоупотреблений, совершенных одним чиновником при обмундировании английской армии. Редакциям журналов предложено было приостановить свои рассуждения о фактах, открытых комиссией, и о вопросах, ею поднятых, до тех пор, пока суд будет окончен. «Times» объявила, что на это предложение согласиться не может и что комиссия не имеет права связывать прессу своими условиями, но что она может не впустить людей, принадлежащих к редакциям журналов, в залу прений, — *если только она осмелится сделать это.* Комиссия действительно не осмелилась этого сделать и решилась подчиниться требованию свободного

журнального рассуждения о деле, провозглашенному «Таймсом».

С своей стороны, «Таймс» счел нужным объяснить те причины, по которым он не хотел согласиться на предложение комиссии. Он это сделал, напечатавши следующую статью:

Мы решились не согласиться на сделанное нам приглашение – не толковать о следствии, производимом теперь, до тех пор, пока оно не будет кончено. Решившись на это, мы считаем себя обязанными относительно нашей страны, прессы вообще и нас самих в особенности оправдать свое решение. Конечно, печатание в Англии совершенно свободно, и мы в этом случае могли быть полными господами своих действий, точно так, как и во всяком другом, но самая эта свобода действий, как и всякое учреждение в народе свободном, должна держаться на сочувствии и одобрении общественном.

Мы можем говорить всё, что у нас на душе, когда мы хотим и как хотим, потому что рассудок и опыт показали

обществу, что эта свобода слова составляет лучшую гарантию свободы и благосостояния всей страны. Если мы злоупотребляем нашими преимуществами, мы не можем более сохранять их. Вот почему мы представляем на общий суд те причины, которые нас заставляли действовать именно так, как мы действовали.

В первый раз ограничение свободы прессы, по снисхождению к просьбе государственного чиновника, произошло по случаю уголовного процесса. Как ни были благовидны основания, на которые опиралась эта просьба, мы встретили их не без опасения. Конечно, журнальные рассуждения, если они дойдут до жюри[1] в его уединении, могут произвести на него влияние, которого значение определить трудно; это же влияние может перейти и на судей, и обвиняемый, если он будет осужден, может претендовать, что его обвинили несправедливо, или, даже если он будет оправдан, – что его судили пристрастно и против всякой справедливости. Но, с другой стороны, заметим, что это влияние, которого так боят-

ся, в сущности и здесь то же самое, которого благотворность допускается всеми во всяком другом деле.

Пресса повсюду признана одним из самых лучших средств для открытия истины. А в суде ведь и ищут истины для того, чтобы сделать, по ходу исследования, законное постановление. Трудно предположить, чтобы в журнале могли выражаться с меньшею осторожностью и большею вольностью, чем как выражаются сами адвокаты, которые затем именно и назначаются, чтобы представлять вопрос пред жюри именно с известной точки зрения.

Ни один журнал, говоря о судебных случаях, не станет проливать слез или призывать небеса во свидетели. Кажется совершенно непонятным, каким образом лучшее соблюдение правосудия может быть достигнуто при отстранении того влияния, которое для всех других учреждений страны признано столь полезным. В начале нынешнего года в «Revue des deux Mondes» была напечатана прекрасная статья, рассматривавшая роль и зна-

чение прессы в Англии и Франции, и в этой статье одною из главных причин относительно бессилия французской прессы признавался именно этот обычай, который хотели ввести у нас.[2] Изложивши благотворные следствия английской системы, автор прибавляет: «Ничего не может быть страннее поведения французских журналов в случаях каких-нибудь замечательных процессов. Прежде, чем следствие начато, нам говорят, что дело предано в руки правосудия и что нужно ждать его решения. Во время следствия нас предостерегают, чтобы мы не раздражали партий и не мешали естественному течению дела некстати сделанными рассуждениями. Когда процесс уже кончен, мы приобретаем до некоторой степени право свободного рассуждения; но тогда уже одобрение излишне, а порицание отзывается неуважением к судебной власти. Таким образом, даже о делах самых важных общественное мнение должно составлятьса само собою, и пресса нимало не способствует его ясности и правильности».

Без сомнения, столь полное ограничение никогда и в голову не могло прийти никому в Англии. Но тем не менее нельзя не видеть, к чему ведет мера, о которой теперь идет речь: если принцип ее приложить к таким важным процессам, как, например, Йоррен-Гэстингса или королевы Каролины,[3] так это действительно было бы все равно что уничтожить свободу рассуждений. Положим, впрочем, что основания просьбы, обращенной к нам, были вполне справедливы; положим, что жюри, несмотря на замешательство, которое могут произвести в нем различные показания свидетелей и защитительные речи, не должно искать опоры для своих мнений ни в чем, кроме фактов, представленных ему в извлечении судьей. Прибавим и то, что мы имеем полную доверенность не только к благоразумию, но и к либеральным тенденциям чиновника, выразившего нам свои желания относительно прессы. С этой стороны мы можем быть спокойны и могли бы, пожалуй, согласиться на просьбу. Но дело принимает совершенно иной обо-

рот, если подобное ограничение будет приложено к вопросам и отношениям политическим. Тогда польза общественная налагает на прессу обязанность воспротивиться посягательствам на ее свободу.

Здесь мы могли бы поднять вопрос на высшую и общую точку зрения, заметивши, что тут дело идет о том, сохранить или уничтожить свободу печати, которая помогает англичанину узнавать течение дел и сохранять свободу общественную. Если уничтожить свободу рассуждения о некоторых важных процессах, пока не кончится следствие, то очевидно, что всякие рассуждения становятся невозможны. Нужно выбрать что-нибудь одно: или отчет комиссии, опубликованный через год и, может быть, не содержащий в себе решения дела, или печатные рассуждения, опубликованные своевременно и не угрожающие никаким решительным заблуждением, так как их легко сличить с теми свидетельствами, на которых они основаны.

Возьмите, например, обыкновенный

ход дела в каком-нибудь комитете или комиссии; ежели все толкования оставлять до тех пор, пока дело будет окончено, то масса материалов увеличится до того, что она для всякого журналиста и для всякого читателя будет слишком затруднительна. Тут уж и речи не может быть о том, чтобы выставить более живые и интересные стороны вопроса для публики. Это будет все равно что составлять итог парламентских прений после конца заседания. Тут, значит, вопрос уже идет просто о том, молчать или рассуждать.

Большую частью уголовные процессы не бывают так продолжительны, чтобы публика не могла проследить за ними с начала до конца; но следствие, производимое комиссиею, может продолжаться неопределенное время, и решение ее может быть на неопределенные сроки отлагаемо. Поэтому мы, конечно, не ошиблись, сказавши, что, даже несмотря на неудобства, которые могли бы представляться от ежедневных заметок журнала о судебном процессе, когда еще он

не кончен, публика все-таки предпочтет эти рассуждения уничтожению свободы прессы.

Но, принимая другую точку зрения, мы даже и не видим тут неудобств ни с какой стороны. Мы допустили их на минуту, чтобы показать, что и они ни в каком случае не должны бы служить препятствием; но в самом деле мы не признаем их. Это было бы оскорблением, если бы мы предположили, что замечания, сделанные в журналах, могут иметь вредное влияние на людей, которые должны управлять ходом следствия.

Положим, что присяжные не должны допускать до себя никаких посторонних рассуждений; но этого нельзя сказать о членах комиссий, и они всегда могут найти в журналах пособие для своих изысканий. Говорят, что в журналах могут помещаться замечания и суждения ошибочные, которые должны быть уничтожены последующими рассуждениями; но обыкновенно вслед за ошибкою тотчас же следует ее исправление. Во всяком случае – мы ведь отвечаем за всякую неприятность и

вред, незаконно причиненный нами, и эта самая ответственность должна внушать доверенность к нашей осторожности и скромности.

Теперь уже всеми признано, что журнальные рассуждения способствуют образованию общественного мнения. Зачем же исключать столь благодетельный элемент при судебном следствии, которое именно и имеет целью составление справедливого мнения? Запрещение в этом случае касается более публики, нежели журналистов. Если нам нельзя печатать наших замечаний, то нельзя печатать и писем, присылаемых в редакцию по тому же делу. Мало того – во все время следствия нужно будет удерживаться от выражения своих мнений и на публичном митинге.

Мы формально протестуем (против) всего этого. Мы говорим это не о теперешнем случае в частности, потому что мы убеждены, что тут не было никаких дурных намерений. Не частный случай, а самый принцип подвергается здесь нашему осуждению.

В последнее время выказывалось раз

или два, более или менее открыто, стремление уменьшить права и ограничить обязанности прессы. Нас уже многократно просили уничтожить извещения, замечания, умерить свободу нашего слова. Обыкновенно эти желания высказываются под предлогом общественной пользы; но тем не меньше они ведут к тому, чтобы уменьшить значение прессы в обществе, и если бы мы подчинились этим желаниям, то они достигли бы своей цели. Кроме закона, пресса нашей страны может подлежать только контролю своих редакторов. Остальное предоставляется публике, пред которою мы считаем себя ответственными. Если мы выражаемся пристрастно или нескромно, мы платимся за это, подвергаясь неодобрению публики. Если мы действуем неблагоразумно или несправедливо, печатая известия или выражая наши мнения, – нас судит публика, и мы в этом случае рискуем потерять эту общественную поддержку, которая именно и дает нам возможность говорить смело и свободно.

Примечания

Условные сокращения

Аничков – Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений под ред. Е. В. Аничкова, тт. I–IX, СПб., изд-во «Деятель», 1911–1912.

Белинский – В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, тт. I–XIII, М., изд-во Академии наук СССР, 1953–1959.

Герцен — А. И. Герцен. Собрание сочинений в тридцати томах тт. I–XXV, М., изд-во Академии наук СССР, 1954–1961 (издание продолжается).

ГИХЛ – Н. А. Добролюбов Полное собрание сочинений в шести томах. Под ред. П. И. Лебедева-Полянского, М., ГИХЛ. 1934–1941.

Гоголь – Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений, тт. I–XIV, М., изд-во Академии наук СССР, 1937–1952.

ГПБ – Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

Изд. 1862 г. – Н. А. Добролюбов. Сочинения (под ред. Н. Г. Чернышевского), тт. I–IV, СПб., 1862.

ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР.

Лемке – Н. А. Добролюбов. Первое полное собрание сочинений под ред. М. К. Лемке, тт. I–IV, СПб., изд-во А. С. Панафидиной, 1911 (на обл. – 1912).

ЛН – «Литературное наследство».

Материалы – Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861–1862 годах (Н. Г. Чернышевским), т. I, М., 1890.

Писарев – Д. И. Писарев. Сочинения в четырех томах, тт. 1–4, М., Гослитиздат, 1955–1956.

«*Совр.*» – «Современник».

Указатель – В. Боград. Журнал «Современник» 1847–1866. Указатель содержания. М. – Л., Гослитиздат, 1959,

ЦГИАЛ — Центральный гос. исторический архив (Ленинград).

Чернышевский – Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, тт. I–XVI, М., ГИХЛ, 1939–1953.

Впервые – Лемке, II, стр. 539–546. Автограф хранится в ГПБ, Печатается по автографу.

На автографе помета Добролюбова: «NB».

Очень нужное». Статья предназначалась для опубликования в «Современнике», но была запрещена цензурой. 21 октября 1858 года С.-Петербургский цензурный комитет направил корректуру статьи на усмотрение Главного управления цензуры. Ответ последнего на имя попечителя С.-Петербургского учебного округа за подписью министра народного просвещения Е. П. Ковалевского был отрицательным: «Возвращая при сем представленную С.-Петербургским Цензурным комитетом в Гл. упр. п., 21 текущего октября, за № 963, предназначавшуюся к напечатанию в журнале «Современник», корректурную «Статью Times о праве журналов следить за судебными процессами», имею честь уведомить Вас, м. г., для предложения Комитету, что статья эта не может быть одобрена к печати, как содержащая в себе неумеренное превознесение полной свободы книгопечатания, не соответствующей с нашим законодательством» (ЦГИАЛ).

Статья английской газеты относительно ограничений свободы печати привлекла внимание Добролюбова тем, что в ней обсуждались проблемы, весьма актуальные для рус-

ской общественной жизни. Даже простая перепечатка статьи без всяких комментариев воспринималась как явный намек на произвол царской цензуры. Запрещение статьи явилось новым ярким актом этого произвола.

Комментарии

1

Жюри (от франц. jury) – здесь: суд присяжных.

[^^^]

Имеется в виду статья Прево-Парандоля «De la presse en Angleterre et en France» («Пресса в Англии и Франции») в «Revue des deux Mondes», 1858, т. XIII, январь, стр. 186–202. Статья посвящена книге М. Кюшеваля-Клариньи «История прессы в Англии и Соединенных Штатах» (Париж, 1857). «Revue des deux Mondes» – двухнедельный литературно-политический и художественный журнал, издается в Париже с 1831 года.

[^^^]

Процесс Иорренса Гэстингса, наместника владений Ост-Индской компании, обвиненного в нарушении законов, начался в 1787 году и тянулся 8 лет; обвиняемый был оправдан. Королева Каролина-Матильда, жена датского короля Христиана VII, обвинялась в интимной связи с одним из министров; умерла в тюрьме в 1775 году.

[^^^]